

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 2 (17)

2024

С. А. Кибальниченко

Канонизация автобиографического мифа Вячеслава Иванова в творчестве С. С. Аверинцева

УДК 821.161.1.09
DOI 10.47132/2588-0276_2024_2_90
EDN TPUWGU

Аннотация: Автобиографический миф, созданный поэтом и теоретиком символизма Вячеславом Ивановым, имеет сложную структуру. Его ядро сформировано целенаправленными усилиями самого писателя. Второй слой возник благодаря «семейному» биографу Ольге Шор (Дешарт). Осозаемым его воплощением стало четырехтомное собрание сочинений Иванова, изданное в Брюсселе. Третий слой создан знаменитым филологом С. С. Аверинцевым, который на протяжении трех десятилетий публиковал научные работы, посвященные поэту. Их отличает апологетический стиль и полное приятие образа Иванова, созданного им самим. Благодаря такому подходу в работах Аверинцева произошла канонизация автобиографического мифа поэта. Он лишился налета субъективности и во многом совпал с магистральной линией интерпретации творчества писателя в литературоведении. Недаром среди многочисленных научных публикаций об Иванове практически нет работ, посвященных автобиографическому мифу. В настоящей публикации делается первый шаг к осознанию этой проблемы и уточняется понятие «символистского канона».

Ключевые слова: автобиографический миф, роман-трагедия, мифотворчество, символистский канон, плодотворная односторонность, новый Эсхил, миф о русском европейце.

Об авторе: **Сергей Александрович Кибальниченко**

Кандидат филологических наук, заместитель главного редактора «Липецкой газеты».

E-mail: sk48@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8432-789X>

Для цитирования: Кибальниченко С. А. Канонизация автобиографического мифа Вячеслава Иванова в творчестве С. С. Аверинцева // Русско-Византийский вестник. 2024. № 2 (17). С. 90–112.

RUSSIAN-BYZANTINE HERALD

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2 (17)

2024

Sergey A. Kibalnichenko

Canonization of the Autobiographical Myth of Vyacheslav Ivanov in the Works of S. S. Averintsev

UDC 821.161.1.09

DOI 10.47132/2588-0276_2024_2_90

EDN TPUWGU

Abstract: The autobiographical myth created by the poet and symbolist theorist Vyacheslav Ivanov has a complex structure. Its core is formed by the purposeful efforts of the writer. The second layer arose thanks to the “family” biographer Olga Shor (Dechart). Its visible embodiment was the four-volume collected works of Ivanov, published in Bruxelles. The third layer was created by the famous philologist S. S. Averintsev, who for three decades published scientific works dedicated to the poet. They are distinguished by an apologetic style and complete acceptance of the image of Ivanov, created by himself. Thanks to this approach, Averintsev accomplished the canonization of the poet’s autobiographical myth. The autobiographical myth lost the touch of subjectivity and largely coincided with the main line of interpretation of the writer’s work in philological science. It is not surprising that among the numerous scientific publications about Ivanov, there are practically no works devoted to the autobiographical myth. This publication takes the first step towards understanding this problem and clarifies the concept of the “symbolist canon”.

Keywords: autobiographical myth, novel-tragedy, myth-making, symbolist canon, fruitful one-sidedness, new Aeschylus, myth about the Russian European.

About the author: **Sergey Alexandrovich Kibalnichenko**

Candidate of Philology, Deputy Editor of the “Lipetsk newspaper”.

E-mail: sk48@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8432-789X>

For citation: Kibalnichenko S. A. Canonization of the Autobiographical Myth of Vyacheslav Ivanov in the Works of S. S. Averintsev. *Russian-Byzantine Herald*, 2024, no. 2 (17), pp. 90–112.

«Вопросы литературы»,
№ 8 за 1975 г.

В 1975 г. в «Вопросах литературы» вышла статья С. С. Аверинцева «Поэзия Вячеслава Иванова», возвратившая российскому читателю полузабытого на Родине писателя и теоретика литературы. Та журнальная публикация оставила глубокий след и в судьбе ее автора. Недаром он еще не раз обращался к творчеству поэта, тихо завершившего свой век в Италии, и даже посвятил ему книгу «Скворещниц вольных граждан...», написанную в жанре интеллектуальной биографии.

На фоне поздних работ первая статья рискует показаться однобокой, тем более что и автор свою задачу свел к тому, чтобы «перечитать новыми глазами стихи Вячеслава Иванова»¹. Подчеркнутый акцент на поэзии, тем не менее, не должен удивлять. Полвека назад читатель если и слышал о полузабытом писателе, то исключительно о его теоретических работах, интерес к которым в те годы возник благодаря М. М. Бахтину. В книге «Проблемы поэтики Достоевского» он назвал «неверным»² придуманный Ивановым неологизм «роман-трагедия», характеризующий жанровое своеобразие крупнейших прозаических произведений

великого писателя. Но и мимолетного упоминания хватило, чтобы этот гибридный термин прочно вошел в лексикон литературоведов. Его позаимствовал даже В. Я. Кирпотин, называвший поэта-символиста «декадентом» и упрекавший его за «внеисторический подход»³ к творчеству Достоевского. Не разделял воззрений Иванова за присущий им мистицизм и другой известный литературовед — Ф. И. Евнин⁴. Но расхождения во взглядах не помешали ему утверждать, что роман-трагедия — «единственно правильная жанровая характеристика»⁵ крупных художественных произведений Достоевского.

Исток — взврат — затвор

Признание Иванова-теоретика, пусть и сопровождавшееся неизбежными оговорками, только оттенило незавидную участь его стихов, затерявшихся под слоем хронологической пыли. Возникший перекосяк и пытался выправить Аверинцев, но, как это нередко бывает, чаша весов ушла в другую сторону. Дело дошло до того, что даже своеобразие творческой судьбы писателя выразил художественный образ, позаимствованный из его же поэзии. Правда, слово «исток», найденное для этих целей, редко встречается на страницах ивановских текстов. Пожалуй, только в книге «Сог арденс» можно прочитать: «Се, агнец блаженных истоков»⁶. В большинстве же случаев

¹ Аверинцев С. С. Поэзия Вячеслава Иванова // Вопросы литературы. 1975. № 8. С. 147.

² Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. С. 16.

³ Кирпотин В. Я. У истоков романа-трагедии. Достоевский — Пушкин — Гоголь // Достоевский и русские писатели: Традиции. Новаторство. Мастерство. М.: Советский писатель, 1971. С. 11.

⁴ Евнин Ф. И. Реализм Достоевского // Проблемы типологии русского реализма. М.: Наука, 1969. С. 437.

⁵ Там же. С. 451.

⁶ Иванов В. И. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. Брюссель, 1974. С. 235.

предпочтение отдавалось таким синонимам, как *родник*, *ключ*, *студенец*. А потому исток Аверинцев трактовал как интегрирующий образ, вобравший в себя близкие по значению слова. В частности, в одной из его работ цитируются следующие ивановские строки: «Путь — по течению обратному / К родным ключам»⁷. Причем из контекста видно, что слова «исток» и «ключ» рассматриваются как взаимозаменяемые.

Почему же тогда на первый план вышло редкое для поэзии Иванова слово? Ответ следует искать в его пластичности, способности одновременно передавать и предельно обобщенные смыслы, и яркую индивидуальную окраску. Последняя сразу проступает, как только речь заходит о своеобразии литературной судьбы Иванова. Еще в 1975 г. Аверинцев предостерегал: образ истока «заведомо неприменим» к Александру Блоку, чей путь неизменно сопровождался преодолением себя и разрывом «со своим прошлым». Его мятущейся музе чужд неподвижный мир «Кормчих звезд» — первого сборника стихов Иванова. В творческом плане эта книга и есть исток, где уже содержатся «мотивы и темы, наиболее необходимые „интегрирующие“ образы, вокруг которых почти полвека будет строиться» его поэзия. Понятно, что ничего подобного нельзя сказать о первом блоковском сборнике «Стихи о Прекрасной Даме»⁸.

Реализовалась и способность слова «исток» выражать глубокие философские идеи. Правда, произошло это уже в 1980-е гг., когда найденный Аверинцевым образ трансформировался в триаду: «„исток“ — „возврат“ — „затвор“»⁹. Такое смещение смысловых акцентов привело к тому, что в рассуждениях ученого литературно-биографический план ушел в тень, оказался проекцией «философской веры»¹⁰ писателя. В метафизических сферах, куда она устремлена, исток являет себя «платоновской идеей, аристотелевской *энтелехией*, поступательной реализацией которых ощущает себя поэзия Вяч. Иванова»¹¹. Заметим, терминология Стагирита намеренно вплетается в ткань рассуждений. Примеры, подобранные Аверинцевым, убеждают читателя в том, что ивановское стихотворчество отличается аристотелевский взгляд на мир. В одной из работ ученого цитируются знаменитые строки из поэмы «Сон Мелампа» о двух разнонаправленных потоках времени: «Так из грядущего цели текут навстречу Причинам». А затем приводятся фрагменты и других поэтических текстов, в том числе слова из стихотворения «Дерева»: «...И вот река течет бессмертья лугом, / К началу вверх, откуда ключ забил»¹². Неудивительно, что учение о целевых причинах, изложенное стихотворным языком, проецируется затем и на судьбу поэта, убежденного в том, что «движение идет от истока, но также, что еще важнее, еще сокровеннее, к истоку, и это — *возврат*»¹³.

Пока не время отвлекаться на размышления о том, насколько нарисованный портрет писателя соответствует его реальной биографии. Иначе можно упустить из виду образ истока, гаящийся в себе важную смысловую линию, о существовании которой Аверинцев, быть может, и не подозревал. Согласитесь, если на его тексты, посвященные Иванову, посмотреть сквозь этот символ, то возникнут многочисленные и вполне осязаемые параллели. И тогда публикацию в «Вопросах литературы» можно уподобить первой книге стихов «Кормчие звезды». Ведь в ней уже представлены все главные темы, идеи и образы, которые на протяжении трех десятилетий ученый будет уточнять, дополнять, развивать, практически не выходя за пределы первоначально очерченного круга.

⁷ Аверинцев С. С. Системность символов в поэзии Вячеслава Иванова // Контекст-1989. М.: Наука, 1989. С. 47.

⁸ Аверинцев С. С. Поэзия Вячеслава Иванова. С. 171.

⁹ Аверинцев С. С. Системность символов в поэзии Вячеслава Иванова. С. 46.

¹⁰ Аверинцев С. С. Разноречия и связность мысли Вячеслава Иванова // Иванов В. И. Лик и личности России. М.: Искусство, 1995. С. 13.

¹¹ Аверинцев С. С. «Скворещниц вольных граждан...»: Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб.: Алетейя, 2002. С. 127.

¹² Аверинцев С. С. Разноречия и связность мысли Вячеслава Иванова. С. 14.

¹³ Аверинцев С. С. «Скворещниц вольных граждан...». С. 127.

Безземельная Муза

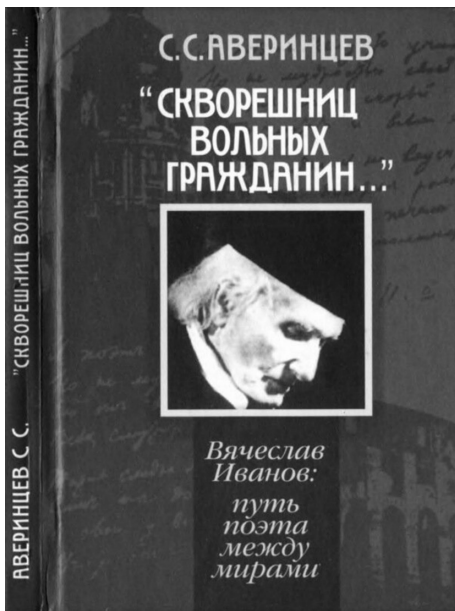
Образ истока стал не единственной константой в созданном Аверинцевым мире, который тоже стремится к замкнутости, как и поэтический космос Иванова. Трудно поверить, но уже в первой статье заданы и главная тема будущей книги, и даже ее название. Найти его можно в четверостишии из стихотворения «Земля», которое процитировал Аверинцев:

Повсюду гость, и чуженин,
И с Музой века безземелен,
Скворешниц вольных граждан,
Беспочвенно я запределен¹⁴.

Заметим, уже в 1975 г. тема «беспочвенной запределенности» Иванова осмысливалась сквозь его книгу «Переписка из двух углов»¹⁵, на страницах которой поэт признался, что он «наполовину — чужеземец, из учеников Саиса, где забывают род и племя»¹⁶. Затем эта цитата в развернутом или в усеченном виде повторится, подобно гулкому эху, во многих работах Аверинцева. Показательным примером служит книга «Скворешниц вольных граждан...», которая начинается с пространных размышлений над приве-

денным выше катреном¹⁷. Вскоре появляется и его постоянный спутник — упомянутый фрагмент из «Переписки из двух углов»¹⁸, к которому автор возвращается через несколько страниц. В его интонациях улавливается едва заметное удивление с привкусом пиетета: «Подумать только, что этот „ученик Саиса“, внутренне дисциплинированный гражданин мира, столь невозмутимо принимавший реальности нашего столетия, родился когда-то на окраине Москвы, в разночинской семье, в такие разночинские шестидесятые годы прошлого века; что его первым серьезно пережитым историческим опытом было событие убийства Александра II»¹⁹.

Знакомый фрагмент из «Переписки из двух углов» встречается и в статье «Вяч. Иванов и русская литературная традиция», правда, уже на месте эпитафии²⁰. Мало того, другую свою работу Аверинцев так и назвал «„Ученики Саиса“: о самоопределении литературного субъекта в русском символизме». Причем и она получила все тот же эпитафийный заголовок²¹. Настойчивая фокусировка читательского внимания на словах Иванова, отсылающих к роману Новалиса «Ученики в Саисе», несет

Книга С. С. Аверинцева
о Вячеславе Иванове
2002 г. издания

¹⁴ Аверинцев С. С. Поэзия Вячеслава Иванова. С. 157.

¹⁵ Там же. С. 157.

¹⁶ Иванов. В. И. Собр. соч. Т. 3 Брюссель, 1979. С. 412.

¹⁷ Аверинцев С. С. «Скворешниц вольных граждан...». С. 5–18.

¹⁸ Там же. С. 9.

¹⁹ Там же. С. 18.

²⁰ Аверинцев С. С. Вяч. Иванов и русская литературная традиция // Связь времен. Проблемы преемственности в русской литературе конца XIX — начала XX в. М.: Наследие, 1992. С. 298.

²¹ Аверинцев С. С. «Ученики Саиса»: о самоопределении литературного субъекта в русском символизме // Wiener slavistisches Jahrbuch. 1997. Т. 43. С. 7.

в себе нечто большее, чем желание явственно показать связь русского писателя с немецким романтизмом. Эту самохарактеристику поэта Аверинцев отнес «к русскому символизму в целом, к обратным по символистской „общине“»²². Свою позицию ученый снова (!) подкрепил любимым четверостишием из стихотворения «Земля», отметив, что «„безземельность“ названа как черта, присущая „Музе века“ как таковой»²³. В подтверждение ученый привел отрывок из стихотворения Зинаиды Гиппиус «Петухи»: «Ты пойми, — мы ни там, ни тут. / Дело наше такое, — бездомное»²⁴. А заодно было сказано, что по желанию можно найти схожие примеры и в творчестве других служителей Музы века.

Не обошлось, правда, и без загадки, возникшей из-за того, что через несколько лет Аверинцев почему-то отказался от идеи записать в «ученики Саиса» собратьев поэта по символизму. В книге «Скворешниц вольных граждан...», наоборот, акцент делается на уникальности творчества и жизненного пути Иванова, который последовательно противопоставляется Мережковскому²⁵, Блоку, Белому, Брюсову²⁶ и даже Розанову²⁷. Здесь тоже есть о чем поразмыслить, особенно если учесть, что статью «„Ученики Саиса“: о самоопределении литературного субъекта в русском символизме» Аверинцев использовал при подготовке своей итоговой работы. Он, например, не отказался от рассуждений про «символистские браки» и «антропологические сдвиги, ожидающие человечество»²⁸, — соответствующие фрагменты легко найти и в книге²⁹. А нарезка цитат из работы Иванова «О достоинстве женщины» вообще повторяется слово в слово³⁰. Да и различия между первоначальным текстом и его отражением в книге во многом объясняются тем, что статья «„Ученики Саиса“: о самоопределении литературного субъекта в русском символизме», опубликованная в 1997 г. Вене, была адресована западноевропейским славистам, а такой аудитории требовались либеральные тона и оценки с привкусом экуменизма.

Но почему же тогда рассуждения о «безземельности» Музы века, созвучные названию книги, в нее не вошли? Аверинцев ведь справедливо подметил, что тема бездомности, заостренная в стихотворении Зинаиды Гиппиус, находит многочисленные соответствия у многих представителей Серебряного века. В частности, можно вспомнить строки из поэмы Александра Блока «Возмездие»: «Двадцатый век... Еще бездомней, / Еще страшнее жизни мгла / (Еще чернее и огромней / Тень Люциферова крыла)». Ощущение трагической неустроенности оставляют многие стихотворения, написанные этим служителем Музы, что вовсе не помешало ему возвыситься до уровня национального поэта России. У Иванова же «безземельность» иного порядка, когда вселенское оказывается и ближе, и важнее родного. Так что здесь любые сравнения с тем же Блоком окажутся не в пользу мэтра символизма. И это обстоятельство, по всей видимости, заставило Аверинцева отказаться от первоначально обозначенной темы.

Главенство поэзии

В статье, опубликованной в «Вопросах литературы», можно найти и мысль о том, что Иванов-поэт ценнее и весомее Иванова-теоретика. Позиция автора выражается

²² Там же. С. 7–8.

²³ Там же. С. 7.

²⁴ Гиппиус З. Н. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 1999. С. 144. Аверинцев, по всей видимости, цитировал это стихотворение либо по памяти, либо по другому источнику.

²⁵ Аверинцев С. С. «Скворешниц вольных граждан...». С. 21.

²⁶ Там же. С. 35–36.

²⁷ Там же. С. 50.

²⁸ Аверинцев С. С. «Ученики Саиса»: о самоопределении литературного субъекта в русском символизме. С. 15–16.

²⁹ Аверинцев С. С. «Скворешниц вольных граждан...». С. 45–46.

³⁰ Аверинцев С. С. «Ученики Саиса»: о самоопределении литературного субъекта в русском символизме. С. 16; *Его же*. «Скворешниц вольных граждан...». С. 46–47.

в пространных рассуждениях о стихах мэтра символизма³¹, на фоне которых показаны изъяны ивановских теорий, их зависимость от общеевропейской моды на «музыкальность», ассоциировавшейся с «зыбкой, темной, трепещущей и безбрежной стихией»³². По мнению Аверинцева, попытка русского поэта выразить в стихах этот «культ „хаоса“ выглядит явным недоразумением»³³.

Но здесь бросается в глаза одно несоответствие. Создавая образ Иванова-теоретика, ученый цитирует исключительно сборник «По звездам», увидевший свет в 1909 г. Костяк его составили статьи периода «мистического анархизма», когда поэт сделал «не слишком удачную попытку превратить „приятие“ хаоса и „неприятие“ мира в философскую доктрину»³⁴. Приведенная цитата довольно точно передает особенности ивановского мировосприятия тех лет, тем не менее, существенное уточнение ей не помешает. Дело в том, что это не было окончательное слово поэта-философа. Ему еще предстояло написать сборники «Борозды и межи» (1916) и «Родное и вселенское» (1917), существенно отличавшиеся по тональности. Да и «кормчие звезды», освещавшие путь автору, стали другими. Но в последней книге Аверинцев увидел лишь «опыты политической философии Вячеслава Иванова», которые показали ему «безнадежно наивными»³⁵. А другой сборник вообще ни разу не упомянут в статье, как будто его и не было вовсе.

Такая избирательность не может не удивлять, тем более что и сам Аверинцев верно подметил противоречие между культом хаоса, утверждаемым теоретиком символизма, и его «поэтикой „межей“»³⁶. Последнее слово позаимствовано из ивановского лексикона, точнее, из стихотворения «Аспекты», включенного во вторую книгу лирики «Прозрачность»³⁷. Аверинцев даже процитировал из него последнюю строку: «Что нет межей, что хаос прав и волен»³⁸. Но «узнает» это стихотворение, пожалуй, лишь искушенный читатель. У большинства же «поэтика „межей“» вызовет совсем другие ассоциации. На память придет книга Иванова «Борозды и межи», ключевое место в которой занимает статья «О границах искусства». В ней критически осмысливается основное положение эстетики Владимира Соловьева о безграничных возможностях искусства, воспринятое русскими символистами. С известной долей условности в этой работе можно увидеть философское обоснование «поэтики „межей“».

Приходится признать, что в своей первой статье Аверинцев создал однобокий портрет Иванова-теоретика, ориентируясь исключительно на первый его сборник философской прозы и не замечая последующую перемену во взглядах мыслителя. Одновременно всячески подчеркивался наносный характер утверждаемых поэтом идей. Например, эссе «О неприятии мира» удобнее было бы процитировать по сборнику «По звездам», который постоянно упоминается в работе Аверинцева. Но на этот раз традиция почему-то нарушается. Ученый ссылается на книгу Георгия Чулкова «О мистическом анархизме»³⁹, где в качестве предисловия была напечатана упомянутая статья Иванова. Тем самым читатель незаметно подводится к мысли о том, что названное учение было внутренне чуждо мэтру символизма, а то и вовсе ему вредило.

Вероятно, впоследствии Аверинцев заметил допущенный перекосяк. По крайней мере уже в статье «Системность символов в поэзии Вячеслава Иванова» (1989) ученый отказался от однобокого образа поэта-философа, а стал говорить о том, что «теоретиком он был не только влиятельным и продуктивным, но и очень умным»⁴⁰. Оценка

³¹ Аверинцев С. С. Поэзия Вячеслава Иванова. С. 159–170, 177–184.

³² Там же. С. 168.

³³ Там же. С. 170.

³⁴ Там же. С. 169.

³⁵ Там же. С. 180.

³⁶ Там же. С. 170.

³⁷ Иванов В. И. Собр. соч. Т. 1. Брюссель, 1971. С. 790.

³⁸ Аверинцев С. С. Поэзия Вячеслава Иванова. С. 170.

³⁹ Там же. С. 169.

⁴⁰ Аверинцев С. С. Системность символов в поэзии Вячеслава Иванова. С. 42.

лестная, но она не должна вводить в заблуждение. Аверинцев лишь попытался придать филологическое обоснование своему пристрастию к ивановским стихам. Он прямо заявил о «соблазне вплотную следовать за ... теоретическими декларациями» писателя «при столкновении его поэтической практики», подкрепив свою позицию развернутыми аргументами⁴¹. Но все они свелись, по сути, к одной мысли — проза была откликом на злобу дня. Дескать, будь Иванов нашим современником, то «не повторил бы ... всех тех теоретических утопий, которые сделаны невозможными нашим историческим опытом»⁴². Напротив, стихи он создавал без оглядки на «собратьев-литераторов» и тревожившие их мысли, а потому его поэзия «упрямая, неприрученная», чем и «обеспечивается ее сила выживания, когда в далекое прошлое отходит карнавальное время „Башни“»⁴³. Заметим, что слово «утопия», к которому прибег ученый, уже звучало в статье 1975 г.⁴⁴, во многом предопределив ее тональность. А это еще одно свидетельство того, что оценка философской прозы Иванова в существе своем не изменилась, несмотря даже на лестные эпитеты, встречающиеся в поздних работах Аверинцева.

Создается впечатление, что попытка филологически обосновать превосходство поэта над теоретиком оставила у Аверинцева чувство недосказанности. Иначе как объяснить, что он снова вернулся к этой теме, выбрав, правда, другой угол зрения? Теперь ученый попытался выявить «долю смысла» в «предрассудке», будто бы Иванов «не столько поэт, столько теоретик поэзии»⁴⁵. Точкой опоры, на которой держались последующие рассуждения, оказался символизм, ставший для главного его представителя «некоей творческой и жизненной верой, истово исповедуемой и проповедуемой». Последнее слово, по сути, предвосхищает дальнейшую цепочку умозаключений, объясняющих, почему же Иванов запомнился современникам «именно как учитель, как сознательный воспитатель российской читающей публики»⁴⁶.

Наблюдая за трудностями, которые приходилось преодолевать мысли Аверинцева, невольно убеждаешься: две ипостаси Иванова были настолько тесно переплетены друг с другом, что едва ли можно было научно обосновать превосходство одной из них, не рискуя совершить логическую ошибку *petitio principii*. Симптоматично и признание Аверинцева в том, что он «склонен оценивать лучшие стихи Вяч. Иванова никак не ниже, а скорее выше его замечательно умных, но в значительной мере оспоренных временем теоретических построений»⁴⁷. Приведенные слова наглядно свидетельствуют, что в рассуждениях о двух ипостасях поэта-философа личные убеждения ученого предвосхищали стройную систему доказательств, которую он создавал. Интересно наблюдать, с какой неумолимой последовательностью Аверинцев проводил свою линию. В 1975 г. мишенью для критики стал «мистический анархизм». О нем Аверинцев не без доли иронии писал, что «сейчас мы уже едва ли поймем, как о такой пустой вещи можно было так много говорить»⁴⁸.

Плодотворная односторонность и ее теневые стороны

В 1980-е гг. без тени сомнения в круг «оспоренных временем» был занесен ивановский термин «роман-трагедия». Как уже было сказано выше, у него нашлись сторонники среди литературоведов, а потому Аверинцеву эта тема была вдвойне интересна. Аргументируя свою позицию, ученый продумал буквально каждое слово:

⁴¹ Там же. С. 42–44.

⁴² Там же. С. 43

⁴³ Там же. С. 42.

⁴⁴ Аверинцев С. С. Поэзия Вячеслава Иванова. С. 153.

⁴⁵ Аверинцев С. С. Вяч. Иванов и русская литературная традиция. С. 298.

⁴⁶ Там же. С. 299.

⁴⁷ Там же. С. 298.

⁴⁸ Аверинцев С. С. Поэзия Вячеслава Иванова. С. 170.

«Всякому ясно, что, когда, например, поэт-символист Вяч. Иванов, хорошо знакомый с настоящей греческой трагедией, приписывал сущность трагедии романам Достоевского, это была метафора»⁴⁹.

Разве случайной оказалась характеристика, полученная Ивановым? Он не философ, не теоретик литературы, а именно поэт, который (продолжим мысль ученого) и должен видеть мир в красках и образах. Следовательно, неологизм «роман-трагедия» — закономерное порождение его художественной фантазии. Правильно расставленные акценты придают голосу Аверинцева безоговорочную уверенность («всякому ясно»). Далее, правда, делается шаг назад, смягчающий градус категоричности: «Метафора может быть полна смысла, и смысл ее может иметь конкретное отношение не только к предмету философии, но даже к предмету теории литературы». Но продолжение этой фразы начисто перечеркивает сделанные уступки. Метафору, утверждает ученый, «нельзя понимать буквально»⁵⁰.

Но какой бы была реакция теоретика символизма, напиши его современники нечто подобное? Велика вероятность, что он первым бы и восстал против такой трактовки. Тот же Фридрих Ницше, чье творчество оказало глубокое влияние на Иванова, менее всего желал, чтобы его идеи поняли в метафорическом ключе. Напротив, германский философ истово верил, что новый титанический художник (эта роль первоначально отводилась Рихарду Вагнеру) возродит трагедию — высшую форму искусства, созданную древними греками. А вслед за этим река времен, сделав крутой поворот, вспять понесет свои воды от эпохи теоретического человека, олицетворением которой стал Сократ, к тем далеким векам, когда в Аттике на театральных подмостках совершалось служение Дионису. Этот ницшевский миф и был тем семантическим ядром, из которого выросло древо ивановских статей о Достоевском⁵¹. Только роль нового Эсхила отведена в них не Рихарду Вагнеру, а русскому писателю. Соответственно, неологизм «роман-трагедия» не предполагал никаких переносных смыслов, поскольку «мифическая действительность есть подлинная реальная действительность, не метафорическая, не иносказательная, но совершенно самостоятельная, доподлинная, которую нужно понимать так, как она есть, совершенно наивно и буквально»⁵². Дионисийский художник Достоевский и должен был создавать трагедии, пусть даже по формальным признакам они оставались романами. Такова логика созданного Ивановым мифа о новом Эсхиле.

Почему же тогда Аверинцев вложил совсем другой смысл в термин «роман-трагедия»? В Иванове он видел не ученого, не мифотворца, а именно поэта, который оставался верен своему призванию даже тогда, когда высказывал филологические идеи или оценивал творчество других писателей. Такой подход наглядно проявился и в статье «Вяч. Иванов и русская литературная традиция» (1992). Она интересна уже тем, что на ее страницах упомянуты сразу пять теоретических работ мэтра символизма: «О „Цыганах“ Пушкина», «К проблеме звукообраза у Пушкина», «Lermontov», «„Ревизор“ Гоголя и комедия Аристофана», «Заветы символизма».

В последнем эссе, как известно, приводится знаменитая ивановская формула мифа, который определяется «как синтетическое суждение, где подлежащее — понятие-символ, а сказуемое — глагол»⁵³. Для истории отечественной философской мысли названная статья интересна уже тем, что высказанные в ней идеи получили отклик в софиологии С. Н. Булгакова. Упомянув имя Иванова в книге «Свет Невечерний», он предложил другое определение: «Миф есть синтетическое религиозное суждение

⁴⁹ Аверинцев С. С. Жанр как абстракция и жанры как реальность: диалектика замкнутости и разомкнутости // Взаимосвязь и взаимовлияние жанров в развитии античной литературы. М.: Наука, 1989. С. 11.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Кибальниченко С. А. Новый Эсхил: миф о Достоевском в философской прозе Вячеслава Иванова // Русско-Византийский вестник. 2022. № 3. С. 58–79.

⁵² Лосев А. Ф. Миф — Число — Сущность. М.: Мысль, 1994. С. 39.

⁵³ Иванов В. И. Собр. соч. Т. 2. С. 594.

a priori»⁵⁴. Несмотря на иначе расставленные акценты, философ вряд ли сказал что-то новое. Ведь искусство и религия виделись Иванову смежными областями, зыбкие грани между которыми порой и вовсе стираются. Впрочем, весь этот интеллектуальный сюжет менее всего интересовал Аверинцева, а названная статья попала в его поле зрения лишь благодаря Тютчеву, которого в ней причислили к символистам. Исторические границы этого литературного направления, соответственно, сместились куда-то в туманное прошлое. Получалось, что начало символизму было положено где-то в первой половине XIX в.

Но и последнюю идею Аверинцев тоже не стал обсуждать. Его интерес всецело лежал в совершенно другой плоскости — как Тютчев повлиял на «поэтическую дикцию»⁵⁵ Иванова. Правда, в небольшом пространстве текста ученый попытался донести до читателя слишком много смыслов, отчего его рассуждения осложнили многочисленные обертоны, мешающие рельефно увидеть внутреннюю логику учебного. Зато разбор «пушкинских» статей Иванова являет собой очевидную противоположность, а потому на нем стоит остановиться подробнее. Неслучайным оказался уже отбор текстов для анализа. В частности, в зону умолчания попала статья «Поэт и чернь», чье название восходит к знаменитому стихотворению Пушкина «Поэт и толпа». В ней Иванов несколько раз цитирует это произведение, но взгляд его фокусируется исключительно на взаимоотношениях художника и черни. А эта тема, увы, не волновала Аверинцева. Не заинтересовали его и небольшие эссе («Роман в стихах» и «Два маяка»), написанные в 1930-е гг. в Италии. Ведь создавались они в период поэтического «молчания» Иванова, которому тогда менее всего хотелось обсуждать темы, связанные со стихосложением.

Совсем другое дело — статья «О „Цыганах“ Пушкина», вошедшая в сборник «По звездам». Зорко всматриваясь в каждое сказанное автором слово, Аверинцев отмечает, что «Вяч. Иванов с какой-то кровной заинтересованностью обсуждает пушкинскую фонику, звуковую стихию, которую мыслит предшествующей сюжетному замыслу, и специальную роль гласных». Далее делается вывод о том, что эти «достаточно конкретные и точные» наблюдения «одновременно характеризуют поэтику самого Вяч. Иванова»⁵⁶. Это, пожалуй, самое важное место в тексте, чем-то напоминающее тектонический разлом, обнаживший скрытые от глаз геологические слои. Вот и читателю открылся семантический пласт, который долгие годы предопределял рассуждения Аверинцева. В его глазах Иванов-теоретик оказался лишь продолжением Иванова-поэта, которому филологические знания нужны лишь для того, чтобы препарировать стихи предшественников, постигая их технику и применяя ее затем в собственной практике. Понятно, что при таком подходе весь корпус прозаических текстов Иванова ждала незавидная участь. Они либо рассматривались как вторичное явление по отношению к поэзии, либо попадали в зону умолчания.

Удивительно, но в тени остались даже работы, посвященные Достоевскому. Конечно, о них пришлось упомянуть в статье «Вяч. Иванов и русская литературная традиция», отдавая дань заявленной теме. Но едва обозначив ее, ученый сразу же свернул разговор, сославшись на две уважительные причины. Во-первых, анализ ивановского восприятия Достоевского «требует особой статьи, если не особой книги»⁵⁷. Во-вторых, Аверинцев честно признался, что подобная задача даже не ставилась, а интересовало его лишь «отношение Вяч. Иванова к своим прямым предшественникам по искусству поэзии», которое выражалось «не только в теоретизировании, но и в интимных моментах собственной поэтической практики»⁵⁸.

⁵⁴ Булгаков С. Н. Первообраз и образ: Соч.: В 2 т. Т. 1: Свет Невечерний. М.: Искусство; СПб.: Инапресс, 1999. С. 72.

⁵⁵ Аверинцев С. С. Вяч. Иванов и русская литературная традиция. С. 304.

⁵⁶ Там же. С. 301.

⁵⁷ Там же. С. 309.

⁵⁸ Там же. С. 309–310.

Понятно, что при таких приоритетах вряд ли стоило ожидать, что «особая статья» о Достоевском когда-нибудь будет написана⁵⁹.

Трудно сказать, насколько глубоко Аверинцев был знаком с идеями Лидии Гинзбург. Однако ее термин «система плодотворных односторонностей»⁶⁰ как нельзя лучше характеризует подход ученого к осмыслению творчества Иванова. Настойчивый акцент на поэзии придавал его статьям удивительную цельность. Но одновременно высветились и теневые стороны. Понять, к чему привела недооценка теоретических воззрений поэта, помогут рассуждения Аверинцева о том, что Иванов осознанно формировал символистский канон. Включение в него нового имени всегда было «сакраментальным актом именованья, одновременно обрядовым и, так сказать, культурно-дипломатическим»⁶¹. И только попавшие в этот круг писатели получали «прописку» в ивановских текстах. Были, правда, и исключения, в числе которых Аверинцев назвал монолог Ганса Закса из оперы Вагнера «Нюрнбергские мейстерзингеры», переведенный Ивановым с немецкого и процитированный в нескольких его статьях.

А теперь внимательнее присмотримся к тому, как обосновывается последняя мысль. Поэт-символист, отмечал ученый, «живо интересовался Рихардом Вагнером и посвятил ему важную статью («Вагнер и Дионисово действие», 1905), однако, принципиально не допускал его в свой канон: да, Вагнер — зачинатель и предтеча, но „зачинателю не дано быть завершителем, и предтеча должен умалиться“, как гласит вердикт, сформулированный в самом начале вышеупомянутой статьи. С другой стороны, Ницше, прежде всего как автор „Рождения трагедии из духа музыки“, входит в ивановский канон. И вот получается, что недостаточно каноничный сам по себе монолог Ганса Закса все же приобрел качество каноничности, будучи процитирован на весьма заметном месте в „Рождении трагедии“»⁶².

Приведенные аргументы кажутся незыблемыми, подкупающими тонкой нюансировкой мысли. Но стоит первым впечатлением развеяться, как возникает закономерный вопрос: почему, собственно, Ницше поставлен выше Вагнера? Казалось бы, слова Иванова, на которые ссылается Аверинцев, дают исчерпывающий ответ. Но в противовес им легко привести многочисленные высказывания поэта-философа, в которых критически оценивается наследие уже другого предшественника. В книге «Дионис и прадионисийство» «историческая концепция» Ницше, видевшего в религии Древней Греции «эстетический феномен», показана несостоятельной. Как и Достоевский, он вроде бы причислен к «пророкам», но предпочтение безусловно отдано русскому писателю⁶³. А вот почти наугад взятая выдержка из статьи «Ницше и Дионис» (1904), включенной в сборник «По звездам». Германский философ, утверждал Иванов, «должен был бы пребывать с Трагедией и Музыкой», но его «другая душа» привела мыслителя в «чуждый, недиионисийский мир»⁶⁴. Этот миф о роковой раздвоенности Ницше допускает разные трактовки, в том числе его можно понимать и буквально, увидев в отказе от Музыки конкретный биографический эпизод — разрыв с Вагнером. Так кому же тогда в ивановской иерархии отведено более высокое место?

Если быть точнее, то в 1905 г., когда статья «Вагнер и Дионисово действие» увидела свет, оба предшественника казались ее автору преодоленными фигурами. Композитор не смог выйти за границы искусства, претворив музыкальную драму в Дионисову

⁵⁹ Интересную информацию об отношении Иванова к Достоевскому можно почерпнуть из материалов круглого стола, прошедшего в редакции журнала «Русско-Византийский вестник». См.: Сизоненко Д., прот., Кибальниченко С. А., Маркидонов А. В., Титаренко С. Д., Гаврилов И. Б. «Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика» Вячеслава Иванова. Материалы круглого стола научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник». К выходу нового научного издания монографии В. И. Иванова о Ф. М. Достоевском // Русско-Византийский вестник. 2023. № 4 (15). С. 144–175.

⁶⁰ Гинзбург Л. Я. Человек за письменным столом. Л.: Советский писатель, 1989. С. 55.

⁶¹ Аверинцев С. С. «Скворещниц вольных граждан...». С. 21.

⁶² Там же. С. 22.

⁶³ Иванов В. И. Дионис и прадионисийство // Символ. 2015. № 65. С. 9.

⁶⁴ Иванов В. И. Собр. соч. Т. 1. С. 722.

мистерии. Иванов даже рассуждал про «великий недочет»⁶⁵ Вагнера, помешавший ему воплотить в жизнь заветную мечту. Но и Ницше отшатнулся от бога, которого сам же открыл миру. Словом, особо выделять кого-то из предшественников совершенно нет оснований. Да и «сакраментальный акт именования» Рихарда Вагнера повторялся снова и снова — в статьях «Две стихии в современном символизме»⁶⁶, «О веселом ремесле и умном веселии»⁶⁷, «Гёте на рубеже двух столетий»⁶⁸ и других работах Иванова. Причем это вовсе не цитаты из монолога Ганса Закса. Если вопреки неоднократным упоминаниям в ивановских текстах композитор пребывал за пределами канона, то кто же тогда в него входил?

Для контраста стоит вспомнить о философе С. Н. Трубецком, чья книга «Метафизика в Древней Греции» во многом помогла Иванову переосмыслить учение Ницше. Из нее, в частности, была позаимствована мысль об особой роли орфиков, подготовивших античный мир к восприятию христианства. Но ссылки на эту книгу не найти даже в монографии «Дионис и прадионисийство», хотя сам по себе жанр научного исследования предполагает беспристрастное освещение предшествующих работ о «религии страдающего бога». Понятна и причина, оставившая С. Н. Трубецкого за пределами ивановского канона. Философ считал, что между дионисийством и христианством пролегает непреодолимая пропасть, несмотря на внешнее сходство, которое имеют отдельные их черты. Такой взгляд на античность до основания разрушал концепцию Иванова, видевшего в религии Диониса подобие Ветхого Завета в эллинизме⁶⁹.

Заметим также, что мысль Аверинцева о символистском каноне нуждается в дальнейшей нюансировке. Причина в том, что упоминание/неупоминание — существенный, но далеко не главный критерий, которым руководствовался Иванов. Намного важнее была та роль, которая отводилась конкретному мыслителю или литератору. Тому же С. Н. Трубецкому как историку античной философии не нашлось места в ивановском каноне. Зато его имя упомянуто в программной статье «Религиозное дело Владимира Соловьева»⁷⁰. Но здесь ему была отведена роль близкого друга Владимира Соловьева, который провел последние дни своей земной жизни в подмосковном имении князей Трубецких. В «Автобиографическом письме С. А. Венгеру» Иванов снова упомянул «запретное» имя. Оказалось, что с С. Н. Трубецким будущий мэтр символизма был знаком еще со времен своей учебы в Берлинском университете. Появление в тексте подобного штриха позволяет глубже понять стратегию Иванова. Во-первых, конкретные детали повышают доверие к воспоминаниям. Во-вторых, Иванов попытался использовать в своем автобиографическом мифе и имя С. Н. Трубецкого, с его помощью приближая себя к кругу Владимира Соловьева.

Критерий упоминание/неупоминание не работает и в случае со Львом Толстым. Вряд ли кто решится утверждать, что гениальный писатель оказал сколько-нибудь серьезное влияние на символистов, тем не менее и его имя встречается в философской прозе Иванова. Возникшее затруднение не разрешит и ссылка на частный случай. В ивановских текстах найдется столько всевозможных исключений, что невольно возникнет сомнение, а действует ли правило? Приходится признать, что и Толстой входил в канон, правда, не в роли предшественника символистов или учителя жизни, прозревшего непреходящие истины. Его место было предопределено ивановским мифотворчеством, ориентированным на книгу Фридриха Ницше «Рождение трагедии из духа музыки». В ней дионисийский художник Эсхил противопоставлялся убийце трагедии Сократу. По этому же образцу поэт-символист создал и собственный миф, в котором первая роль досталась Достоевскому, а вторая — Толстому.

⁶⁵ Иванов В. И. Собр. соч. Т. 2. С. 85.

⁶⁶ Там же. С. 542.

⁶⁷ Там же. Т. 3. С. 74.

⁶⁸ Там же. Т. 4. С. 112.

⁶⁹ Кибальниченко С. А. Вяч. Иванов и С. Н. Трубецкой: Два взгляда на преемственность античности и христианства // Русско-Византийский вестник. 2020. № 1 (3). С. 324–331.

⁷⁰ Иванов В. И. Собр. соч. Т. 3. С. 295.

Если уж речь зашла о новом Сократе, то нельзя не вспомнить и Иннокентия Анненского, творчеству которого Иванов посвятил статью, увидевшую свет в 1910 г. в журнале «Аполлон». Названный поэт в ней причислен к «ассоциативному»⁷¹ символизму — направлению, глубоко чуждому автору публикации. Но только по мере погружения в текст приходит осознание, каким глубоким было это чувство неприятия. Зачем же тогда Иванов взялся за литературно-критический анализ пьесы «Фамира-кифарэд» и других произведений своего антипода? Отчасти свет на эту загадку проливает спор о существовании аттической трагедии, который вели между собой два поэта⁷². Но значение той журнальной статьи, включенной впоследствии в сборник «Борозды и межи», не исчерпывается дискуссией с Анненским. Понять ее замысел вновь поможет книга «Рождение трагедии из духа музыки». В ней, помимо Сократа, нарисован еще один антигерой — «кошунствующий Еврипид»⁷³. Нетрудно убедиться, что Иванов-мифотворец отдал эту роль Анненскому. Его мэтр символизма так и назвал — «наш новый Еврипид»⁷⁴.

Радикальная переоценка ценностей

Аверинцев, таким образом, допустил отдельные неточности, источником которых стала упорная недооценка теоретических работ Иванова. Таковой была плата за «продуктивную односторонность», что вовсе не умаляет заслуг ученого. Чтобы по достоинству оценить его первую статью, достаточно вспомнить, как в то время в литературоведении воспринимался образ поэта-философа, не упустив из виду и расплывшуюся кляксу на его портрете. Ее оставила книга И. М. Нусинова «История литературного героя», изданная в 1958 г. уже после смерти автора. Один из разделов в ней посвящен мировому образу Прометея. На беду в поле зрения филолога, отличавшегося грубым социологическим подходом к искусству, попала и одноименная трагедия Иванова. По всей видимости, Нусинова впечатлила заключительная сцена пьесы, в которой толпа требует вернуть ей «царя»⁷⁵ Прометея. Дальше оставалось только увязать эти слова с новейшей историей России, тем более что отдельным изданием трагедия вышла в 1919 г. Ее автор, соответственно, был причислен к «реакционно и упаднически настроенной буржуазной интеллигенции»⁷⁶, отрицавшей социалистическую революцию. Отстаивая свою точку зрения, Нусинов не скупился на хлесткие эпитеты. Истощение Прометея, произошедшее во втором действии пьесы, литературовед назвал «поэтической вариацией пошлого тезиса буржуазных писак 1918 года, что силы и выдержки у большевиков хватит на две недели»⁷⁷.

Подобные параллели, конечно же, основывались на недоразумении. Нусинов, очевидно, и не подозревал, что трагедия, первоначально названная «Сыны Прометея», была опубликована еще до революции в журнале «Русская мысль». Но и в книге И. М. Машбиц-Верова «Русский символизм и путь Александра Блока», изданной в 1969 г. в Куйбышеве (Самаре), пьесу снова увязали с событиями 1917 г. Исключительно в духе Нусинова автор монографии истолковал «философско-политический смысл»⁷⁸ трагедии «Прометей». Собственно, Иванов и его «отрицание революции» потребовались лишь для того, чтобы подчеркнуть

⁷¹ Там же. Т. 2. С. 574.

⁷² Полонский В. В. Вяч. Иванов и И. Анненский: к проблеме двух «моделей античности» на рубеже веков // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1. СПб.: Пушкинский Дом, 2010. С. 377–390.

⁷³ Ницше Ф. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 1. Ч. 1. М.: Культурная революция, 2012. С. 68.

⁷⁴ Иванов В. И. Собр. соч. Т. 2. С. 582.

⁷⁵ Там же. С. 155.

⁷⁶ Нусинов И. М. История литературного героя. М.: Гослитиздат, 1958. С. 136.

⁷⁷ Там же. С. 136–137.

⁷⁸ Машбиц-Веров И. М. Русский символизм и путь Александра Блока. Куйбышев, 1969. С. 153.

реакционную сущность символизма, влияние которого преодолевал Блок на пути к поэме «Двенадцать».

Конечно, в палитре мнений присутствовали не только черные, но одновременно и светлые тона. За год до появления книги Машбиц-Верова в издательстве Тартуского университета опубликовали отрывки из воспоминаний известного филолога Моисея Альтмана, которому довелось учиться у Вячеслава Иванова в Бакинском университете. Вскоре увидела свет и переписка поэта-символиста с Александром Блоком, которой была предпослана статья Елены Белькинд⁷⁹. Но надо понимать, что в советской Эстонии исследователи чувствовали себя свободнее, да и в полном объеме записи Альтмана напечатали только в 1995 г.

Примечательно, что статья Елены Белькинд была опубликована в «Блоковском сборнике». Эта, казалось бы, малозначительная деталь позволяет яснее осознать, что в то время Иванову суждено было находиться в тени автора поэмы «Двенадцать», творчество которого тогда было в фокусе всеобщего внимания. Только в 1973 г. вышли в свет книги «Гроза над соловьиным садом» (второе издание) и «Поэт и его подвиг», написанные соответственно Анатолием Гореловым и Борисом Соловьевым. Уделом же Иванова были сухие строки, сказанные о нем скороговоркой ради того, чтобы точнее передать колорит эпохи, в которую жил и творил Блок. Поводом для упоминания полузабытого поэта могла стать, например, дискуссия о состоянии русского символизма, вспыхнувшая в 1910 г.⁸⁰. Причем Иванов характеризовался исключительно как «теоретик и пропагандист»⁸¹ отживающего свой век литературного направления.

На этом блеклом фоне первая статья Аверинцева заиграла свежими красками. Написана она сочным, живым языком, который разительно отличался от казенно-сухонного стиля литературоведов, подменявших филологию грубым социологическим анализом. Образ Иванова, окутанный ореолом тайны, и его творчество рисовались в воображении читателя неизведанным, но чудесным материком, ждущим своих первооткрывателей. Неудивительно, что та публикация в «Вопросах литературы» предопределила путь многих филологов, в том числе и автора этих строк, для которого работы Аверинцева стали ориентиром на долгие годы. Привлекала, прежде всего, необыкновенная смысловая насыщенность текстов, когда едва ли не в каждой фразе можно было найти интересные идеи для исследовательской работы. К примеру, слова в поэзии Иванова ученый уподобил «самоцветам, редкостным и блистательным», заметив, что «образу драгоценного камня» отводится в ней «привилегированное место; влажная слеза сравнивается с твердой жемчужиной („перл слезы“), способный таять снег — с жесткими гранями алмаза („сверкал алмазный снег“)⁸². Оттолкнувшись от подобных наблюдений, филолог из Смоленска Л. В. Павлова создала серию работ, посвященных миру самоцветов в творчестве Иванова⁸³.

Многочисленные отклики в литературоведении получила и мысль Аверинцева о «замкнутой системе символов»⁸⁴, созданной поэтом. Правда, ученый только обозначил тему и ее важнейшие грани. А дело его продолжила Л. В. Павлова. Библиография ее работ обширна, но особо стоит выделить статью «„Конкретная жизнь символа“ в лирике Вячеслава Иванова», в заглавии которой цитируются слова Аверинцева⁸⁵. То же самое можно сказать и о работе Г. В. Обатнина «Еще раз о Вяч. Иванове

⁷⁹ Белькинд Е. Л. Блок и Вячеслав Иванов // Блоковский сборник. Т. 2. Тарту, 1972. С. 365–373.

⁸⁰ Соловьев Б. И. Поэт и его подвиг: творческий путь Александра Блока. М.: Советская Россия, 1973. С. 346–349.

⁸¹ Там же. С. 325.

⁸² Аверинцев С. С. Поэзия Вячеслава Иванова. С. 165.

⁸³ Павлова Л. В. Символика янтаря в лирике Вячеслава Иванова: явленное и скрытое // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 3. С. 22–34.

⁸⁴ Аверинцев С. С. «Скворешниц вольных граждан...». С. 123.

⁸⁵ Павлова Л. В. «Конкретная жизнь символа» в лирике Вячеслава Иванова // Известия Смоленского государственного университета. 2015. № 3. С. 16–17.

и русской литературной традиции»⁸⁶. Только здесь уже автор осознанно повторяет название статьи знаменитого ученого.

А еще Аверинцев, интересовавшийся творчеством швейцарского психоаналитика Карла Густава Юнга⁸⁷, впервые предложил «юнгианскую» трактовку трагедии «Прометей», уподобив Аниме героиню этого произведения Пандору⁸⁸. Спустя много лет высказанные ученым мысли получили продолжение в работе Марии Цимборской-Лебоды⁸⁹. И число таких примеров при желании можно умножать до бесконечности. Но главный интерес представляют вовсе не частности, свидетельствующие о глубоком влиянии Аверинцева на ивановедение. Куда более важной видится радикальная переоценка ценностей, произошедшая за последние полвека. Через 30–40 лет после того, как вышла первая статья Аверинцева, полузабытый «теоретик» символизма неожиданно превратился, пожалуй, в центральную фигуру Серебряного века, в лучах славы которой померкли именитые современники. Причем интерес к творчеству Иванова продолжает расти. О нем пишут книги и журнальные статьи⁹⁰, издается его эпистолярное наследие. Но даже если бегло проанализировать работы, опубликованные за последние два десятилетия, в глаза бросится явный тематический перекос.

Белое пятно в ивановедении

Стоит напомнить, что еще в 1994 г. Н. В. Котрелев отнес Иванова «к числу тех художников, чей целостный образ — не только плод интегрирующей мысли воспринимающего, но специфического, целенаправленного усилия художника. Возможно, важнейшее его произведение — его легенда о самом себе»⁹¹. Следовало бы ожидать, что слова известного филолога, сказанные на страницах журнала «Новое литературное обозрение», вызовут всплеск интереса к автобиографическому мифу поэта-символиста. Но три десятилетия безвозвратно ушли в прошлое, а дело не сдвинулось с мертвой точки, если не считать небольшой статьи К. Ю. Лаппо-Данилевского. Любопытно, что уже в первых ее строках повторилась мысль о том, что «Вяч. Иванов никогда не скрывал — собственная биография им „творится“». Правда, появилась эта работа не только благодаря влиянию Н. В. Котрелева.

Не последнюю роль сыграла и книга М. С. Альтмана «Разговоры с Вячеславом Ивановым», которую в середине 1990-х гг. подготовил к печати и прокомментировал К. Ю. Лаппо-Данилевский. В ней запечатлено показательное высказывание поэта-философа: «Я, быть может, как никто из моих современников, живу в мифе — вот в чем моя сила, вот в чем я человек нового начинающегося периода»⁹². Подобное признание и побудило ученого с «известной осторожностью» взглянуть на «эпизод ученичества в 1886–1891 годах в Берлинском университете у Т. Моммзена, ставший одним из краеугольных камней автобиографического мифа Вяч. Иванова». Оказалось, «во всем, что касается научной работы, Отто Гиршфельд, другой берлинский профессор, был

⁸⁶ *Обатнин Г. В.* Еще раз о Вяч. Иванове и русской литературной традиции // *Intermezzo festoso*. Историко-филологический сборник в честь доцента кафедры русской литературы Тартуского университета Леа Пильд. Тарту, 2019. С. 205.

⁸⁷ *Аверинцев С. С.* «Аналитическая психология» К.-Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // *О современной буржуазной эстетике*: Сб. ст. Вып. 3. М.: Искусство, 1972. С. 110–155.

⁸⁸ *Аверинцев С. С.* Поэзия Вячеслава Иванова. С. 185.

⁸⁹ *Symborska-Leboda M.* Прометей и Пандора, или Мифопоэтическая антропология Вячеслава Иванова (на материале трагедии «Прометей») // *Mistrzowi i Przyjacielowi. Pamięci Profesora Zbigniewa Barańskiego*. Wrocław, 2010. P. 163–167.

⁹⁰ *Гаврилов И. Б., Кибальниченко С. А.* Magnum opus Вячеслава Иванова в контексте современных научных исследований. О книге: *Повесть о Светомире царевиче* / Изд. подгот. А. Л. Топорков, О. Л. Фетисенко, А. Б. Шишкин. М.: Ладомир, Наука, 2015. 824 с. (Литературные памятники) // *Христианское чтение*. 2020. № 4. С. 151–170.

⁹¹ *Котрелев Н. В.* От составителя // *Новое литературное обозрение*. 1994. № 10. С. 6.

⁹² *Альтман М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб.: Инапресс, 1995. С. 61.

для Вяч. Иванова более важен, чем Т. Моммзен, а методичность и целеустремленность не отличали молодого ученого...»⁹³

И после таких интересных наблюдений возникла неоправданно долгая пауза в изучении ивановской «легенды о самом себе», длящаяся уже более четверти века. Подобный поворот событий не может не удивлять, поскольку изучение автобиографических мифов стало одним из трендов в современном литературоведении. Только на материале творчества Марины Цветаевой в последние годы защищены две кандидатские диссертации⁹⁴. Не стоит забывать и книгу Д. М. Магомедовой, посвященную автобиографическому мифу Александра Блока⁹⁵.

Но как объяснить эту загадку? Оказалось, что пауза возникла не без участия Аверинцева. В книге «Скворешниц вольных граждан...» он оспорил выводы К. Ю. Лаппо-Данилевского, не согласившись «со степенью эмфазы» его «высказываний о какой-то особой самостилизации», присущей Иванову⁹⁶. Стоит обратить внимание на тонкий подбор слов, благодаря которому Аверинцев красиво ушел от разговора о сознательном выстраивании автобиографического мифа. Последний термин вообще был замещен словосочетанием «какая-то особая самостилизация», которое включает в себя оценочный компонент («какая-то»), выражающий скептическое отношение автора к выводам Лаппо-Данилевского.

Под пером Аверинцева история с учебой в Берлинском университете тоже помняла свою эмоциональную окраску. Не отрицая того, что Иванов в «Автобиографическом письме С. А. Венгерову» сместил акценты с одного профессора на другого, ученый нашел этому факту убедительное оправдание: «Совершенно естественно, что Вяч. Иванов предпочитал называть своим читателям и собеседникам имя Моммзена, а не имя Гиршфельда; первое имя было на слуху, второго не знал никто, кроме узкого круга специалистов, да и разговоры с Моммзеном, включавшие, в частности, темы политические, по самой „природе вещей“ годились для мемуарного фиксирования — в отличие от рутинной профессионального обучения»⁹⁷. В итоге читатель убеждается в справедливости заранее сделанного вывода, сформулированного еще до разбора «берлинского» эпизода. В «Автобиографическом письме С. А. Венгерову», утверждал Аверинцев, «определенные обстоятельства ... изложены столь отчетливо и ответственно, что для нас лично было бы затруднительно усомниться в высокой степени правдивости рассказа в целом»⁹⁸.

Любопытно, что начатый спор затем продолжился на следующей странице книги, хотя и приобрел скрытый характер. Дело в том, что приведенные выше слова о том, что «методичность и целеустремленность не отличали молодого ученого» процитировал и Аверинцев, поставив после них многоточие⁹⁹. Вот только цепь мыслей К. Ю. Лаппо-Данилевского здесь не оборвалась, а продолжила ее следующая фраза: «В связи с этим назидательные рассуждения об атмосфере прилежания, царившей в семинарии Моммзена, и о его значении, содержащиеся в беседах с М. С. Альтманом, выглядят несколько амбивалентно»¹⁰⁰. В пику приведенному утверждению Аверинцев процитировал те самые «назидательные рассуждения» поэта, а затем мастерски подвел читателя к выводу о том, что «в России Вяч. Иванов имел право сказать нечто

⁹³ Лаппо-Данилевский К. Ю. набросок Вяч. Иванова «Евреи и русские» // Новое литературное обозрение. 1996. № 21. С. 182.

⁹⁴ Латыпова И. Ю. Миф о поэте в художественном мире М. И. Цветаевой: диссертация ... канд. филол. наук. Самара, 2008; Кучумова М. О. Автобиографический миф в прозе М. И. Цветаевой: диссертация ... канд. филол. наук. Казань, 2020.

⁹⁵ Магомедова Д. М. Автобиографический миф в творчестве Александра Блока. М.: Мартин, 1997.

⁹⁶ Аверинцев С. С. «Скворешниц вольных граждан...». С. 34.

⁹⁷ Там же. С. 34.

⁹⁸ Там же. С. 20.

⁹⁹ Там же. С. 34.

¹⁰⁰ Лаппо-Данилевский К. Ю. набросок Вяч. Иванова «Евреи и русские». С. 182.

подобное не только одному Альтману». Вне критики оказалась и «немецкая выучка»¹⁰¹ мэтра символизма.

Прозошедший спор между двумя известными филологами, тем не менее, нельзя понимать упрощенно. Дескать, Аверинцев, не поддержав попытку критически проанализировать автобиографический миф Иванова, поставив жирный крест на дальнейшем изучении этой темы. Смотреть нужно глубже. В книге «Скворещниц вольных граждан...» ученый, по сути, взял на себя роль нотариуса, заверившего документ и тем самым наделившего его юридической силой. Очевидно, нечто подобное произошло и с образом собственного жизненного пути, который создал мэтр символизма. Под пером Аверинцева он лишился налета субъективности, зато приобрел качества каноничности, превратился в едва ли не общепринятую истину, на которую стали ориентироваться другие филологи. Иначе говоря, автобиографический миф поэта, освященный непререкаемым авторитетом маститого ученого, во многом совпал с магистральной линией интерпретации творчества Иванова в литературоведении — подобно тому, как две параллельно текущие реки, резко повернув, неожиданно побежали навстречу друг другу и слились в единый поток. Не этим ли объясняется тот странный перекосяк в изучении ивановского наследия, о котором речь шла выше?

Трехслойная структура мифа

Не спорю, высказанная научная гипотеза требует дальнейшего осмысления и нюансировки. В этой связи стоит пристальнее присмотреться к структуре автобиографического мифа Иванова. Даже невооруженным глазом заметно, что ее образуют несколько слоев. Мифическое ядро сформировали целенаправленные усилия самого писателя, включающие и выбор авторской стратегии, и написание специальных текстов, подобных «Автобиографическому письму С. А. Венгерову». Второй слой создан семьей поэта, в первую очередь его сыном Дмитрием Ивановым и Ольгой Шор, писавшей под псевдонимом Дешарт. Осозаемым воплощением их усилий стало четырехтомное собрание сочинений Иванова, изданное в Брюсселе в 1971–1987 гг. Значение этого «семейного» пласта в автобиографическом мифе не ограничивается лишь количественными характеристиками, связанными с привнесением в него новых деталей. Ольга Шор последовательно представляла Иванова ключевой фигурой Серебряного века, а заодно сделала всеобщим достоянием многие мысли, которые не мог публично артикулировать поэт.

Обратимся к ключевому эпизоду автобиографического мифа, связанному с получением «благословения»¹⁰² от Владимира Соловьева на вхождение в литературу. Во «Введении», опубликованном в первом томе, Ольга Шор дополнила его многочисленными подробностями, описывающими взаимоотношения двух мыслителей¹⁰³, в частности, рассказала о несостоявшейся поездке Иванова в Пустыньку. Такие штрихи добавили свежих красок в ранее нарисованную поэтом картину. Но одновременно Ольга Шор привнесла и новую сюжетную линию, озвучив, по всей видимости, заветные мысли поэта. В третьем томе брюссельского собрания сочинений, вышедшем под ее редакцией, она написала примечания к статье «Идея неприятия мира», полностью посвятив их Валерию Брюсову¹⁰⁴, претендовавшему на ведущую роль в символизме. Здесь вспоминается его литературный дебют, когда в середине 1890-х гг. начинающий писатель выпустил три поэтических сборника «Русские символисты». Эти книжицы были осмеяны тем же Владимиром Соловьевым, который подверг их «строжайшему резкому разбору», завершив свою рецензию «тремя

¹⁰¹ Аверинцев С. С. «Скворещниц вольных граждан...». С. 35.

¹⁰² Иванов В. И. Собр. соч. Т. 2. С. 20.

¹⁰³ Там же. Т. 1. С. 38–41.

¹⁰⁴ Там же. Т. 3. С. 707–733.

стихотворениями-пародиями». Эти «остроумные карикатуры имели невероятный успех», благодаря чему «имя Брюсова стало известным»¹⁰⁵.

Далее поэт вообще предстал в неприглядном свете. Он «решил завербовать Андрея Белого», чтобы этот «блестящий и задорный полемист»¹⁰⁶ обрушил на мэтра символизма тучу критических стрел. Сам же «вербовщик» оказался насквозь лживым человеком, искусно плетущим паутину интриг. По этому случаю Ольга Шор привела слова Иванова, сказанные о Брюсове: «По его собственному, неоднократному мне признанию, он вынужден вечно лгать»¹⁰⁷. Словом, семейному биографу удалось расставить все точки над «i», указав, кто истинный преемник Владимира Соловьева и, следовательно, ключевая фигура Серебряного века, а кто попал в литературу благодаря счастливому стечению обстоятельств. В том, что Ольга Шор пристрастна, сомневаться не приходится, о чем свидетельствует и такой факт. В своем повествовании, нарочито изобилующем множеством мелких деталей, она довела рассказ о взаимоотношениях двух поэтов до 1924 г., когда завершился земной путь Брюсова. Но среди этих подробностей почему-то ни слова не сказано о довольно колкой рецензии на трагедию Иванова «Прометей». Брюсов зорко подметил все ее недостатки, важнейшим из которых стала оторванность от реальной жизни, из-за чего «человеку XX века должно сделать прямо героическое усилие над своим сознанием, чтобы принять все условности, предлагаемые поэтом»¹⁰⁸. Так что не будет большим преувеличением сказать, что стратегия Ольги Шор выдает в ней не филолога, а мифотворца. Ведь ей не интересен всесторонний анализ творчества Иванова, но важно закрепить в сознании читателя тот его образ, который виделся самому поэту.

Подобные примеры позволяют говорить об удивительном явлении. И после смерти Иванова продолжил жить своей жизнью созданный им автобиографический миф. Причем усилия Ольги Шор стали лишь одним из этапов в его становлении. Нетрудно увидеть, что третий слой автобиографического мифа создан Аверинцевым. Характер его стратегии наглядно прослеживается при анализе все того же «благословения» на вхождение в литературу, полученного от Владимира Соловьева. Об этом эпизоде можно узнать из трех источников — «Автобиографического письма С. А. Венгеру», «Разговоров с Вячеславом Ивановым», записанных Моисеем Альтманом, и свидетельств Ольги Шор, которые она привела во «Введении» к первому тому брюссельского собрания сочинений. Но если отбросить посредников, через которых транслировалась информация, то все сводится к тому, что Иванов сам рассказал о себе.

Что в такой ситуации интересовало бы историка литературы? Конечно, он задался бы вопросом, насколько надежно такое свидетельство. И что Иванов утаил в своем рассказе? Последний аспект приобретает особое значение в свете рассказа Иванова в «Автобиографическом письме» о своих гимназических сочинениях. Они «возбуждали удивление друзей, посвященных в тайну моего мирозерцания, дипломатической ловкостью, с которой я умел в них одновременно не выдавать и не предавать себя»¹⁰⁹. Далее Иванов признался, что его даже уличали в «лицемерии». Но ключевые слова здесь все-таки «дипломатическая ловкость», позволявшая гимназисту утаивать свои антиправительственные взгляды, но при этом и не предавать их. А где гарантии, что подобный прием Иванов не использовал и при описании своих встреч с философом, умело отбирая только выгодные для себя слова и факты? Нелишне было бы задуматься и над тем, насколько серьезно Соловьев относился к Иванову. И не были ли безвестный поэт лишь случайной фигурой, искавшей покровительства у знаменитого философа, но не вызывавшей у него встречного интереса. Ведь в четырехтомном

¹⁰⁵ Там же. С. 708.

¹⁰⁶ Там же. С. 724.

¹⁰⁷ Там же. С. 728.

¹⁰⁸ Брюсов В. Я. Среди стихов, 1894–1924. Манифесты, статьи, рецензии. М.: Советский писатель, 1990. С. 548.

¹⁰⁹ Иванов В. И. Собр. соч. Т. 2. С. 13.

собрании писем Владимира Соловьева, издававшемся с 1908 по 1923 гг., Иванова нет среди адресатов, что наводит на мысль о том, что контакты между мыслителями были весьма и весьма поверхностными.

Но весь перечисленный блок вопросов совершенно не интересовал Аверинцева, несмотря на то что он прекрасно был осведомлен про «дипломатическую ловкость» Иванова. Мало того, ученый процитировал этот рассказ про гимназические сочинения в своей книге, но по обыкновению обратил его в пользу поэта. Дескать, подобный эпизод, рассказанный «без утаек»¹¹⁰, свидетельствует лишь о достоверности «Автобиографического письма С. А. Венгеру». Такой же апологетический подход доминирует и при описании взаимоотношений Иванова с Соловьевым. Уже в первой своей статье, опубликованной в 1975 г., он красиво пересказал несколько эпизодов, основываясь на опубликованных записях Моисея Альтмана¹¹¹. В книге «Скворешниц вольных граждан...» добавляются еще несколько деталей, но одновременно выражается сожаление о том, что «мы мало что знаем сверх того. Некоторые частные эпизоды, связанные с общением между Владимиром Соловьевым и Вяч. Ивановым, со слов последнего поведаны Ольгой Шпор-Дешарт»¹¹². Тональность процитированной фразы не оставляет сомнений в том, что Аверинцев прекрасно сознавал субъективный характер воспоминаний поэта, но даже не задумался об их критическом анализе. Подобные факты позволяют говорить о том, что под личиной маститого ученого скрывался мифотворец.

Миф о русском европейце

Такой самобытный мыслитель, как Аверинцев, не мог довольствоваться ролью «нотариуса», своим авторитетом заверяющего воспоминания Иванова и возводящего

Вячеслав Иванов, 1934 г.

их в ранг научной истины. Он приложил руку к тому, чтобы автобиографический миф поэта обогатился новой сюжетной линией. Ее контуры отчасти обрисовал еще Иванов, ученый же обрядил эту схему в роскошные философские одежды. Ключом к новой сюжетной линии стали слова, сказанные в одной из зарубежных публикаций Аверинцева, в которой тот сетовал на «ощущение фатальной чуждости наследия Вяч. Иванова всему современному»¹¹³. Подобное признание проясняет сверхзадачу исследователя — включить полузабытого поэта-символиста в повестку сегодняшнего дня. Причем решалась она во всех работах, не стала исключением и книга «Скворешниц вольных граждан...», несмотря на то что в то время Иванов уже не воспринимался экзотической фигурой, как это было в 1975 г. Но чем объяснить настойчивость Аверинцева,

¹¹⁰ Аверинцев С. С. «Скворешниц вольных граждан...». С. 29.

¹¹¹ Аверинцев С. С. Поэзия Вячеслава Иванова. С. 154–155.

¹¹² Аверинцев С. С. «Скворешниц вольных граждан...». С. 55.

¹¹³ Аверинцев С. С. Вячеслав Иванов — сегодняшними глазами // Вячеслав Иванов и его время: Материалы VII Международного симпозиума. Frankfurt am Main: Lang, 2002. С. 11.

неуклонно проводившего апологетическую линию? Все объясняется зигзагами жизненного пути поэта, который добровольно порвал нити, связывавшие его с Россией. Первым шагом стал отъезд в Италию, вторым — переход в католичество. А возвратить блудного сына в покинутый им отчий дом всегда трудно, тем более что сам беглец больше думал о том, как произвести подобающее впечатление на интеллектуальную элиту Запада. А потому Аверинцеву потребовался миф о всечеловеке, точнее, о русском европейце, который органично соединил в себе «родное» и «вселенское», Византию и Рим, Святую Русь и латинство.

Первая серьезная попытка проработать эту сюжетную линию была предпринята еще в 1975 г. Уже тогда в арсенале Аверинцева появился и образ «всечеловека», и мысль о присущей Иванову «свободе от уступок духу националистической узости». В целом же миф о русском европейце создавался сквозь призму монолога Версилова из романа Достоевского «Подросток»: «Я во Франции — француз, с немцем — немец, с древним греком — грек и тем самым наиболее русский». Далее ученый замечает, что «эти речи героя Достоевского — словно эпиграф ко всему написанному Ивановым»¹¹⁴. Через 20 лет Аверинцев буквально повторил многое из того, что было сказано в первой статье. Снова был процитирован монолог Версилова, снова прозвучали рассуждения про «русского „всечеловека“»¹¹⁵. На первый план, тем не менее, постепенно вышла «Повесть о Светомире царевиче», которая была названа «пределом „византийства“ Вячеслава Иванова»¹¹⁶. В книге «Скворешниц вольных граждан...» эта тенденция окончательно возобладала. «Воплощением Святой Руси, отстраняющей от себя соблазн власти»¹¹⁷, в ней назван юный царевич¹¹⁸.

Понятно, что образ русского европейца создавал не беспристрастный историк литературы, а мифотворец, ориентировавшийся на заранее предвосхищаемый результат. Но даже тщательно просеянные факты порой не укладываются в заблаговременно нарисованную схему. И это сопротивление материала почувствовал В. К. Кантор, написавший по горячим следам рецензию на книгу Аверинцева (Вопросы литературы, 2003, № 4)¹¹⁹. Через всю его работу проходит мысль о «вине» Иванова за «его роль в утверждении и как бы приглашении неких дьявольских (общинно-дионисийских) сил в Россию, где они покуражились на славу»¹²⁰. В то же время нельзя согласиться с автором рецензии, обвинившим поэта-символиста в «ренессансной контрреволюции», в ходе которой «разрушались медленные духовные приобретения европейского человечества»¹²¹. Неприятие эпохи Возрождения характерно, скорее, для А. Ф. Лосева. Что касается Иванова, то все его усилия были направлены против византийского наследия, усвоенного Россией. В гимназистскую пору он увлекся революционными идеями, в 1900-е гг. мечтал, что «страна покроеется орхестрами и фимелами»¹²², в книге «Дионис и прадионисийство», увидевшей свет в 1923 г., осудил греческих Отцов Церкви за их непримиримую вражду к религии Диониса¹²³. Закономерным итогом такого пути стал переход в латинство.

¹¹⁴ Аверинцев С. С. Поэзия Вячеслава Иванова. С. 158.

¹¹⁵ Аверинцев С. С. Разноречия и связность мысли Вячеслава Иванова. С. 11.

¹¹⁶ Там же. С. 10.

¹¹⁷ Аверинцев С. С. «Скворешниц вольных граждан...». С. 115.

¹¹⁸ О «византийстве» Иванова см. также: Иванов И., свящ., Гаврилов И. Б., Титаренко С. Д., Титаренко Е. М., Сокурова О. Б., Маркидонов А. В. Вячеслав Иванов: поэт, философ, христианин. К 70-летию со дня кончины. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2020. № 1 (3). С. 338–355.

¹¹⁹ Впоследствии эта работа стала одной из глав в его книге «„Крушение кумиров“, или Одоление соблазнов».

¹²⁰ Кантор В. К. «Крушение кумиров», или Одоление соблазнов (становление философского пространства в России). М.: РОССПЭН, 2011. С. 539.

¹²¹ Там же. С. 542.

¹²² Иванов В. И. Собр. соч. Т. 3. С. 77.

¹²³ См.: Кибальниченко С. А. Новый Эсхил: миф о Достоевском в философской прозе Вячеслава Иванова // Русско-Византийский вестник. 2022. № 3. С. 62.

В знаменитом письме к Шарлю Дю Босу поэт нашел много красивых слов, чтобы объяснить свой поступок. Примкнув к западной церкви, Иванов «впервые почувствовал себя православным в полном смысле слова»¹²⁴. Он хотел показать, что возвысился до того уровня, когда исчезают различия между западниками и славянофилами, «родным» и «вселенским». На деле же Россия как наследница Византии ассоциировалась для Иванова лишь с «лукавыми пастырями», которые по политическим мотивам враждебно относились к «теократическому единению»¹²⁵.

Аверинцев, что любопытно, тоже пытался поддержать этот миф о русском европейце, возвысившимся над частностями. Он утверждал, что Иванов «не лукавил и не играл парадоксами, когда указывал на специфически русский, более того, специфически славянофильский характер своего универсализма, своей ориентации на „все-ленское“. Ведь острое переживание всечеловеческого единства — в некотором смысле предельная точка развертывания импликаций славянофильской идеи *соборности*»¹²⁶. Написано, конечно, красиво, но ставить знак равенства между славянофильской соборностью и дионисийским всеединством слишком рискованно¹²⁷.

Подведем краткий итог сказанному. Благодаря Аверинцеву в литературоведении произошла радикальная переоценка ценностей, позволившая некогда полузабытому поэту и теоретику символизма Вячеславу Иванову превратиться в едва ли не центральную фигуру Серебряного века. Однако в своих трудах, посвященных этому мыслителю, ученый отказался от роли историка литературы, критично оценивающего каждое слово, сказанное о себе писателем. Аверинцев, скорее, оказался канонизатором автобиографического мифа, созданного о себе поэтом. Для ивановедения это имело серьезные последствия. Среди многочисленных научных работ об Иванове практически нет исследований, посвященных его автобиографическому мифу. У такого перекоса может быть только одно объяснение. Автобиографический миф, созданный Ивановым, во многом совпал с магистральной линией интерпретации творчества поэта в литературоведении. Настоящая статья является одним из первых шагов к осознанию этой проблемы.

Источники и литература

1. Аверинцев С. С. «Аналитическая психология» К.-Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // О современной буржуазной эстетике: Сб. статей. Вып. 3. М.: Искусство, 1972. С. 110–155.
2. Аверинцев С. С. Вячеслав Иванов — сегодняшними глазами // Вячеслав Иванов и его время: Материалы VII Международного симпозиума. Frankfurt am Main: Lang, 2002. С. 11–19.
3. Аверинцев С. С. Вяч. Иванов и русская литературная традиция // Связь времен. Проблемы преемственности в русской литературе конца XIX — начала XX в. М.: Наследие, 1992. С. 298–312.
4. Аверинцев С. С. Жанр как абстракция и жанры как реальность: диалектика замкнутости и разомкнутости // Взаимосвязь и взаимовлияние жанров в развитии античной литературы. М.: Наука, 1989. С. 3–25.
5. Аверинцев С. С. Поэзия Вячеслава Иванова // Вопросы литературы. 1975. № 8. С. 145–192.
6. Аверинцев С. С. Разноречия и связность мысли Вячеслава Иванова // Иванов. В. И. Лик и личности России. М.: Искусство, 1995. С. 7–24.

¹²⁴ Иванов В. И. Письмо к Дю Босу // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М.: Русские словари, 1999. С. 89.

¹²⁵ Там же. С. 89.

¹²⁶ Аверинцев С. С. Разноречия и связность мысли Вячеслава Иванова. С. 15.

¹²⁷ Кибальниченко С. А. Трансформация идей А. С. Хомякова в творчестве Вяч. Иванова // Русско-Византийский вестник. 2021. № 1. С. 99.

7. *Аверинцев С. С.* Системность символов в поэзии Вячеслава Иванова // Контекст-1989. М.: Наука, 1989. С. 42–57.
8. *Аверинцев С. С.* «Скворещниц вольных граждан...»: Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб.: Алетейя, 2002.
9. *Аверинцев С. С.* «Ученики Саиса»: о самоопределении литературного субъекта в русском символизме // Wiener slavistisches Jahrbuch. 1997. Т. 43. С. 7–16.
10. *Альтман М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб.: Инапресс, 1995.
11. *Бахтин М. М.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002.
12. *Белькинд Е. Л.* Блок и Вячеслав Иванов // Блоковский сборник. Т. 2. Тарту, 1972. С. 365–373.
13. *Брюсов В. Я.* Среди стихов, 1894–1924. Манифесты, статьи, рецензии. М.: Советский писатель, 1990.
14. *Булгаков С. Н.* Первообраз и образ: Соч.: В 2 т. Т. 1: Свет Невечерний, М.: Искусство; СПб.: Инапресс, 1999.
15. *Гаврилов И. Б., Кибальниченко С. А.* Magnum opus Вячеслава Иванова в контексте современных научных исследований. О книге: Повесть о Светомире царевиче / Изд. подгот. А. Л. Топорков, О. Л. Фетисенко, А. Б. Шишкин. М.: Ладомир, Наука, 2015. 824 с. (Литературные памятники) // Христианское чтение. 2020. № 4. С. 151–170.
16. *Гиппиус З. Н.* Стихотворения. СПб.: Академический проект, 1999.
17. *Гинзбург Л. Я.* Человек за письменным столом. Л.: Советский писатель, 1989.
18. *Евнин Ф. И.* Реализм Достоевского // Проблемы типологии русского реализма. М.: Наука, 1969. С. 408–453.
19. *Иванов В. И.* Дионис и прадионисийство // Символ. 2015. № 65. С. 9–395.
20. *Иванов В. И.* Письмо к Дю Босу // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М.: Русские словари, 1999. С. 81–92.
21. *Иванов В. И.* Собр. соч.: В 4 т. / Под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971–1987. Т. 1–4.
22. *Иванов И., свящ., Гаврилов И. Б., Титаренко С. Д., Титаренко Е. М., Сокурова О. Б., Маркидонов А. В.* Вячеслав Иванов: поэт, философ, христианин. К 70-летию со дня кончины. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2020. № 1 (3). С. 338–355.
23. *Кантор В. К.* «Крушение кумиров», или Одоление соблазнов (становление философского пространства в России). М.: РОССПЭН, 2011.
24. *Кибальниченко С. А.* Вяч. Иванов и С. Н. Трубецкой: Два взгляда на преемственность античности и христианства // Русско-Византийский вестник. 2020. № 1 (3). С. 324–331.
25. *Кибальниченко С. А.* Новый Эсхил: миф о Достоевском в философской прозе Вячеслава Иванова // Русско-Византийский вестник. 2022. № 3. С. 58–79.
26. *Кибальниченко С. А.* Трансформация идей А. С. Хомякова в творчестве Вяч. Иванова // Русско-Византийский вестник. 2021. № 1. С. 90–101.
27. *Кирпотин В. Я.* У истоков романа-трагедии. Достоевский – Пушкин – Гоголь // Достоевский и русские писатели: Традиции. Новаторство. Мастерство. М.: Советский писатель, 1971. С. 9–86.
28. *Котрелев Н. В.* От составителя // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 6.
29. *Кучумова М. О.* Автобиографический миф в прозе М. И. Цветаевой: диссертация ... канд. филол. наук. Казань, 2020.
30. *Лаппо-Данилевский К. Ю.* набросок Вяч. Иванова «Евреи и русские» // Новое литературное обозрение. 1996. № 21. С. 182–193.
31. *Латыпова И. Ю.* Миф о поэте в художественном мире М. И. Цветаевой: диссертация ... канд. филол. наук. Стерлитамак, 2008.
32. *Лосев А. Ф.* Миф – Число – Сущность. М.: Мысль, 1994.
33. *Магомедова Д. М.* Автобиографический миф в творчестве Александра Блока. М.: Маргин, 1997.
34. *Машибиц-Веров И. М.* Русский символизм и путь Александра Блока. Куйбышев, 1969.

35. Ницше Фр. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 1. Ч. 1. М.: Культурная революция, 2012.
36. Нусинов И. М. История литературного героя. М.: Гослитиздат, 1958.
37. Обатнин Г. В. Еще раз о Вяч. Иванове и русской литературной традиции // *Intermezzo festoso*. Историко-филологический сборник в честь доцента кафедры русской литературы Тартуского университета Леа Пильд. Тарту, 2019. С. 205–215.
38. Павлова Л. В. «Конкретная жизнь символа» в лирике Вячеслава Иванова // *Известия Смоленского государственного университета*. 2015. № 3. С. 16–25.
39. Павлова Л. В. Символика янтаря в лирике Вячеслава Иванова: явленное и скрытое // *Известия Смоленского государственного университета*. 2016. № 3. С. 22–34.
40. Полонский В. В. Вяч. Иванов и И. Анненский: к проблеме двух «моделей античности» на рубеже веков // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1. СПб.: Пушкинский Дом, 2010. С. 377–390.
41. Сизоненко Д., прот., Кибальниченко С. А., Маркидонов А. В., Титаренко С. Д., Гаврилов И. Б. «Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика» Вячеслава Иванова. Материалы круглого стола научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник». К выходу нового научного издания монографии В. И. Иванова о Ф. М. Достоевском // *Русско-Византийский вестник*. 2023. № 4 (15). С. 144–175.
42. Соловьев Б. И. Поэт и его подвиг: творческий путь Александра Блока. М.: Советская Россия, 1973.
43. *Symborska-Leboda M.* Прометей и Пандора, или мифопоэтическая антропология Вячеслава Иванова (на материале трагедии «Прометей») // *Mistrzowi i Przyjacielowi. Pamięci Profesora Zbigniewa Baranskiego*. Wrocław, 2010. P. 149–168.